

Утром меня разбудил Хатгаут, старческая бессонница уже давала о себе знать, забирая конец ночи. Позавтракав вчерашним супом, отправляемся к месту моего вселения. В этот раз беру и топор, подаренный родителями год назад, имеющий хоть и не запредельную, но большую цену. Встретить хищников не так далеко от стойбища маловероятно, но полагаться на защиту учителя тоже не хотелось, тем более он не стал брать с собой своего волка.

— Поспешим, — промолвил учитель. — Да смотри, куда ноги ставишь, не видишь разве те жёлтые цветы мозглольника? Чему я тебя учил, ходишь по лекарству как по грязи! — ворчал шаман, ругая мою нерасторопность.

Вслух виниться не стал, стараясь не топтать вообще никаких цветов и незнакомых растений. Так или иначе в шаманских практиках мог пригодиться любой кустик, многие травы давали сходный эффект при лечении, просто некоторые были редкими и более сильнодействующими, чем остальные.

Добрались мы быстро, берег ручья потревожил неприятные воспоминания, возвращая меня в тот злополучный день. Липкий страх и фантомная боль прокатились по телу, свербя ещё одной, всё время отгоняемой мыслью — я не помнил своего старого имени. Каждый раз, пытаюсь его вспомнить, в результате получал новое — от уменьшительного «Арга», которым меня называла мать, и на которое в своё время сильно злился, до гордого «Аргнак». Не могли же меня так звать в другом мире? Мировосприятие у меня уже стабилизировалось... Мысленно хмыкаю на чужой термин, пришедший из другого мира.

— Не мешай, посиди в стороне. Или лучше поищи травы, что я тебе показывал, — подал голос учитель, усаживающийся на берегу реки.

Было интересно посмотреть, как он будет общаться с духами, но зря сердить шамана не буду — мне есть чем заняться, пока учитель работает. Отойдя, неторопливо бреду, опустив голову и осматривая разнотравье, где скрывающее ногу по колено, а где доходившее и до пояса. Мысли мои сейчас перебирали значимые события и вехи канона.

Знал я не очень много, но вполне достаточно, чтобы начать строить дальнейшие планы. Ни клан Разящих Топоров, в котором я обретаюсь, ни имена шаманов не нашли отражения в истории Варкрафта, и никакого Аргнака, сыгравшего решающую роль в судьбе орков, я тоже не знаю. Говорило ли это о том, что дальнейшие войны сотрут его с лица мира? Или история его существования была подобна другим кланам, не сумевшим прославиться на фоне других? Неизвестно. Сколько копий в другом мире было сломано по поводу событий, какие баталии кипели вокруг обсуждения того, как нужно было вести себя оркам и что бы сделал тот или иной человек на их месте. Оставалось решить, как мне поступить с доступным мне послезнанием, чтобы суметь воспользоваться предоставленными им возможностями и избежать гибели.

Узнать, сколько у меня осталось времени, я не смогу до осеннего праздника, поскольку единственный известный мне значимый «маркер» — старшая шаманка клана Северных Волков. Начало войны произошло спустя год с момента её смерти, а я понятия не имел, жива ли она сейчас.

С размышлений о шаманке чужого племени мысли как-то сами собой перескочили на обобщение известной мне информации о шаманах в целом. С одной стороны, сообщество шаманов довольно открытое — постоянно врачует болезни и раны, они принимали большое участие в жизни клана. Но с другой стороны, для большинства орков оно всё равно сохраняло

некоторую таинственность. Не потому, что шаманы боялись разглашения своих знаний, а из-за невозможности для обычных орков воспользоваться ими. Мир был магический, и разница между одарёнными и простыми жителями была существенной, если не сказать определяющей.

Начало любого обычного ремесла можно было освоить без проблем, но если нет дара — магия закрыта, как ни пытайся. Кроме того, это даёт ряд прав. Взять хотя бы налогообложение — каждый охотник обязан отдавать десятую часть добычи и каждую десятую шкуру, за исключением месяца с момента создания семьи — этакий подарок молодожёнам. Шаманы же освобождены от этого — их мало, зато их умения требуются везде. Или маги людских королевств — отдельная каста, не без оснований считающая себя лучше других. Что, впрочем, не мешало паладинам сжигать любого подозрительного мага, обвинив его в работе на демонов. И не совсем безосновательно — неумелое использование арканы привлекает существ из-за грани и чуть упрощает их проникновение в мир.

Перебираю в уме известные мне магические воздействия на мир и думаю, что из этого я могу освоить в перспективе. Шаманизм для меня — тёмный лес, кроме того, что они умеют призывать духов, ничего не знаю. Аркана знакома получше — довольно обширный арсенал, зависящий от силы и умения мага. Кроме того, ману можно преобразовывать в вещество, призванные ледяные стрелы и огненные шары никуда не исчезают, а достаточно сильные волшебники способны создавать себе и еду. Демоническая магия, несмотря на название, доступна каждому, а возможность изучить её представится в ближайшем будущем. Плюс некромантия. Об этой области магии я не знаю ничего, нужна ли она мне и где достать знания — неизвестно.

Изучать шаманизм придётся, несмотря на то, что вскоре он обесценится. Смутно помню, что Нер'зул как-то смог стать «тёмным шаманом», то есть мог насильно заставлять стихии повиноваться, но произошло это уже почти в самом конце его жизни, да и где Нер'зул — сильнейший шаман мира, и где я?

Аркана в принципе доступна, есть учителя, способные и готовые меня обучать. Дренеи. Существа, живущие неисчислимое количество лет, изначально магическая раса, а их невероятно сильная тяга к новому — хороший повод и возможность завязать более тесные контакты, нежели меновая торговля. Но я не знаю, сочетаются ли шаманизм и магия, отпускать к ним надолго меня тоже никто не станет, и в свете предстоящего конфликта связи с ними могут аукнуться болезненно, если не смертельно...

Размышления прервал зов учителя, видимо, он закончил свои непонятные действия.

— Ручей чист, — произнёс Хатгаут, поднимаясь во весь рост. — Отраву или уже унесло дальше, или разбавило. В любом случае, угрозы клану больше нет.

Оглядев мои пустые руки, нахмурил седые брови.

— Чем ты занимался, пока я работал? Кругом много полезного, тот же мозглольник, что набрал полную силу! Соберёшь, сколько сможешь, и приноси в шатёр.

— Понял, учитель! Всё сделаю! — несмотря на ворчливый характер, тот никогда не говорил попусту и напрасно не ругал.

Проводив взглядом уходящую фигуру, стал выискивать жёлтые цветы, в отварах используются только лепестки, но они не имеют силы, если засохли не вместе со стеблем, а потому приходится срывать целое растение.

Мысли, прерванные наставником, не спешили вернуться к прежнему ритму, а потому, отложив в сторону магические перспективы, занялся делами насущными. Собрав столько растений, сколько смогло поместиться в руках, отправляюсь обратно. Все замечательные планы по собственному усилению могли разбиться о простой факт — не все, кого просят привести духи, становятся шаманами.

Замечаю издали знакомый силуэт, что направляется явно в мою сторону. Сейчас я довольно далеко от стойбища, а потому в случайность встречи поверить сложно, зато поговорить без лишних ушей здесь можно без проблем. Сестра Шарилгра, что старше меня на три года. Моего племянника, видимо, оставила в шатре и выкроила свободную минуту, чтобы пообщаться с братом без посторонних. Линию поведения с ней я пока не разработал, импровизировать тоже не буду, как-никак родственники, поймём друг друга.

— Привет, Аргнак, — сказала Шарилгра, как только мы поравнялись.

Ожерелья на ней было немного — муж у неё не самый удачливый охотник, предпочитающий охотиться сообща с другими, но и неудачником его не назвать. Средний, как и большинство в клане. А вот плетёные из полосок кожи браслеты подчёркивали уже её личное мастерство. Одежда, соответствуя общему стилю клана, пестрила нашитыми разноцветными лоскутками, подчёркивающими её замужний статус. В цветовой гамме превалировал коричнево-ореховый цвет, разбавленный чёрными полосами.

— Я волновалась, когда узнала, что ты занемог.

— Всё в порядке. Отрава оказалась несильной.

Кроме неё у меня больше не оставалось родственников. Жизнь орков полна опасностей, оба моих старших брата так и не вернулись с первой охоты. Теперь понятно, почему она захотела встретиться без посторонних. Выказывать заботу при орках — низводить меня до уровня ребёнка, пусть мы и родственники. А вот наедине — совсем другое дело.

— Ты изменился. Стал каким-то другим, — прищурилась сестра. — Похоже, мой брат наконец повзрослел! — это звучало бы менее насмешливо, не смотри она на меня снизу вверх. Несмотря на то, что она была старше, а я так и не дорос ещё до взрослых размеров, я уже был на голову выше и куда массивней.

— Ты же знаешь, что меня вскоре ждёт.

— Знаю, — голос её был грустным.

— Братья погибли как настоящие охотники, — поднимаю не самую приятную тему.

— И мы гордимся ими, — согласилась она. — Ты уже выбрал себе невесту?

— Ты посватать кого-то пришла?

— Нет, мне просто интересно. К тому же ходят слухи, что ты равнодушен к Кайнати.

— Всё может быть. Когда я стану шаманом, смогу выбрать практически любую. Или кто-то хочет заранее застолбить завидного жениха?

Как ни странно, в общении с ней не возникало того чувства неловкости, когда завязываешь разговор с незнакомцем. Я хорошо понимал её мимику, те мимолётные невербальные жесты, что привык видеть с детства, отлично зная, что за ними скрывается.

— Как бы тебе сказать...

Понятно её замешательство, ввиду двойственности моего положения. Почти дорос до первой охоты, но пока не пройду её, котируюсь лишь чуть выше остальных детей. Да, я вроде как ученик шамана, но до осеннего праздника — не факт.

— Все ждут первой охоты, — помогаю сестре преодолеть неловкость, озвучивая очевидную вещь.

— Хорошо, что ты родился летом, — добавляет она.

Лето — хорошее подспорье, много дней можно прожить на подножном корму, в отличие от зимы и ранней весны, но одному из моих братьев это не помогло.

— Как сын? Ещё не всё погрыз в шатре?

Напоминание о ребёнке вернуло весёлую улыбку на лицо сестры.

— До потолка ещё не добрался, но у него всё впереди!

Жизнь моя вернулась к ритму, что я вёл до «отравления». С утра под руководством Хатгаута собирал травы и другие полезные растения, ближе к обеду добывал грызунов или небольших птиц, а после — занимался чтением и письмом. Каждый сбор учитель сопровождал небольшой лекцией о том, где можно чаще встретить эти растения, когда их лучше заготавливать и от чего помогают. Комплексная учёба позволяла быстрее усваивать знания, выстраивая в памяти сразу множество ассоциативных цепочек. Хотя я мысленно списал в расход шаманизм, такие уроки выступали неплохой тренировкой для памяти, заодно помогая привести мой разум в порядок.

Скоро мой двенадцатый день рождения, а это значит, что мне предстоит первая охота. Добычей должен быть серьёзный зверь, опасный даже для взрослого орка. А с учётом размеров зверья, водившегося на Дреноре, таких было достаточно. Чем-то они напоминали мегафауну Земли и, развиваясь в сходных условиях, приобрели похожие черты.

Гигантские кабаны одним ударом клыка могли отсечь руку или вспороть живот, а шкура по толщине и прочности не уступала носорожьей, не сразу поддаваясь ударам оружия.

Были здесь и талбуки, похожие на антилоп травоядные звери, статями своими превосходившие иных лосей из моего старого мира. К острым длинным рогам, способным наносить и дробящие удары, прибавлялось то, что ходили они большими стадами, совместно отражая нападки и оберегая раненых.

Водились здесь и самые настоящие мамонты, или, скорее, мастодонты, что обитали северней наших земель. Подробностей про них я не знаю, так как наш клан на них не охотился, но слушая рассказы старых охотников, что узнали о них от других кланов, мог представить их размеры.

И вишенкой на торте — копытень. По виду — помесь мамонта с носорогом, массивная голова с единственным рогом, ряд роговых пластин, защищающий шею. Прочная шкура и длинный мех, служащий дополнительной защитой, а на ногах — раздвоенные копыта, что и дало ему название. Мясо его отличалось насыщенно-красным оттенком и по праву считалось деликатесным — из всей съедобной живности Дренора, что я пробовал, оно было самым вкусным. Охотились на него все охотники племени вместе, уж слишком большим он был даже для крупных охотничьих партий, зато добытого мяса хватало надолго, а охотничьи доспехи из шкуры и роговых пластин получались самыми прочными и статусными.

Соответствовали размерами и хищники. Огромные ящеры, водившиеся в более тёплых местах, не брезговавшие ничем, что было по зубам. Представители семейства кошачьих, похожих на саблезубых тигров. И наконец, чёрные волки, встречающиеся и по одиночке, и стаями. Умные и чем-то близкие оркам по психологии, недаром часть из них становится нашими спутниками. Ростом в холке эти машины смерти почти не уступали взрослому охотнику (и это с учётом размеров орка, что были крупнее людей), а длинные клыки являлись отличным трофеем, показывающим остальным силу и охотничье мастерство.

Двенадцатилетие наступило буднично и неотвратимо. Обычай предписывал брать с собой минимум вещей и лишь одно оружие, запрещал принимать чью-либо помощь и использовать охотничий доспех. С учётом вышеописанного и печального опыта моей семьи, шанс не вернуться с первой охоты был очень большой. Ты или умираешь, или возвращаешься с добычей — жестокая, но эффективная селекция, орки, ведущие кочевой образ жизни, не могли кормить бесполезных слабаков.

Позавтракав плотнее чем обычно, взял с собой топор, так как это было моё единственное серьёзное оружие, нож, набор для разведения огня и свёрнутую шкуру. Никто меня не провожал, ни сестра, ни учитель, да и для остальных орков я словно исчез, уже выйдя из статуса ребёнка и ещё не войдя в статус взрослого. Подавив дрожь от ощущения дороги в один конец, не спеша покидаю стойбище. Поведение каждого орка у всех на виду и влияет на авторитет и статус, а потому веду себя как взрослый охотник, невольно копируя походку отца.

Отдалившись метров на триста, перехожу на бег, направляясь против ветра. Ловлю доносящиеся запахи, хотя пока это бесполезно — на таком расстоянии от стоянки всю дичь уже выбили. Но привычка и вбитые охотничьи навыки не позволяли расслабляться. Надежда на случайно забредшее животное не оправдалась, поэтому, отойдя на расстояние больше пятнадцати километров, приступил к повышению своих шансов на охоте. Оглядев молодую поросль деревьев, приметил подходящее деревце в руку толщиной. Обкопав его со всех сторон, подрубил корни на расстоянии ладони от ствола, обрубки как раз послужат неплохими шипами на моей будущей дубине. Свалив деревце, разделил ствол на четыре части — первая с комлем и корнями пошла на дубину, остальные заострил с двух сторон, получив колья в две трети своего роста.

Ножом распустил на полосы шкуру, что должна была служить мне постелью. Середину каждого из кольев и рукоять дубины обвязал нарезанной кожей, чтобы не скользили руки, оставшиеся переплёл между собой, превратив в верёвку. Мой арсенал пополнился дополнительным оружием, но нарушителем обычаев я себя не считал. Будь у меня больше времени, не поленился бы сделать и что-нибудь более серьёзное, запрета на такие действия я что-то не помню. Закрепив за спиной колья и дубину и повесив свёрнутую в бухту верёвку на плечо, продолжаю путь. Встречаемые следы животных были старыми, в первый день мне добычи не видать, а потому перешёл на бег, стараясь уйти в непотревоженные клановыми

волками земли.

Заблудиться я не боялся — каждый орк хорошо ориентируется на местности. Кочевой образ жизни, многочасовые охоты и часто встречающаяся равнинная местность без значимых ориентиров отсеяли страдающих топографическим кретинизмом, потому как бы далеко орк ни отошёл от стойбища, он точно знает, где то расположено, и найдёт дорогу обратно.

Быстрый бег разбудил аппетит, а потому я, перейдя на шаг, принялся по дороге срывать ростки съедобных трав, приглядываясь, нет ли где чего помясней и посущественней. Вскоре путь мне преградил ручей. Он был достаточно глубоким, чтобы в нём водилась рыба, потому, повесив топор за спину, я перехватил поудобнее кол, приготовившись бить рыбу, но тут же себя одёрнул. Слишком долго, да и кол не дротик, чтобы легко загарпунить вёрткую добычу.

Ни сетей, ни удочек орки не знали, но я, посмотрев на заросли гибкого кустарника, похожего на иву, решил упростить рыбную ловлю. Нарезав прутьев, сел плести решётку. Времени уйдёт хоть и прилично, но куда меньше, чем лови её я старым способом. К решётке сплёл и «сачок», чтобы сподручней было вытаскивать рыбу. Перегородив ручей решёткой, вспугнув при этом стайку мелочи, усилил воткнутыми в дно колами, а сам, выйдя на берег из бодряще-холодной воды, побежал выше по течению.

Баламутя воду, гоню рыбу к преграде, поднимая ил и тину. Мутная вода мешает ей дышать, у решётки скопилось уже больше десятка рыбин, хватающих воздух открытыми ртами, и тычущихся носами в прутья, тщетно надеясь проскользнуть дальше. Азарт при виде такого количества серебристой добычи в одном месте подстегнул мою прыть, с гиканьем стал вышвыривать её сачком на землю, подальше от воды, чтобы не скатилась обратно.

Вкус сырой рыбы был приятен, орки частенько едят сырое, а свежевывловленная, ещё трепещущая рыба вкусней вдвойне. Сытный перекус требовал полежать. Отдохнув, решил забрать с собой и решётку, веса в ней немного, а мастерить каждый раз новую на каждом ручье лень, к тому же она вполне складывалась по диагонали, вытягиваясь острым ромбом, поэтому пристроил её наискосок за спиной и продолжил путь.

День перевалил за половину, а я так и не нашёл следов крупной дичи. Но и волчьих тоже, что радовало. Проходив без толку весь день и ещё пару раз порыбачив, набрал рыбы впрок и решил устраиваться на ночлег. Постели не было, но я, наломав ветки, соорудил себе замену взятой с собой шкуры. Погружаюсь в сон, чутко вслушиваясь в доносящиеся звуки.

Ночь прошла спокойно, а выпотрошенная рыба, укрытая в ложбинке сырой травой, не успела испортиться. Позавтракав, по первой росе отправился дальше. Поиски мои наконец увенчались успехом — спустя час обнаружил свежий талбучий навоз. Разобравшись в следах, определил, что стадо большое, риск погибнуть под копытами или быть поднятым на рога слишком велик. Но среди них может быть подранок, а нет — дождусь ночи и попробую убить кого-нибудь с края табуна. Пустившись следом, догнал пасущихся животных. Насчитал двадцать три взрослых и восемь детёнышей из весеннего приплода. Подранков, как назло, не было, а идти на них днём в атаку — без вариантов, вблизи растопчут, а издали я сам им ничего не сделаю. Талбуки никуда не спешили, и я следовал за ними, по пути собирая знакомые травы и «охотясь» на жуков.

Вечер вступал в свои права, и табун расположился на ночлег, но отдельно никто не лежал. Самки старательно загоняли резвящихся детёнышей в центр круга, образованный взрослыми особями, и сами не спешили отходить далеко. Досадно, при такой плотности они меня и в кромешной темноте затопчут, шансы, конечно, есть, но играть в рулетку и испытывать судьбу

что-то не хочется. Я знал, что попаданцы могут выпутываться из любых ситуаций, «сюжетная броня» всегда на их стороне, но ощущая боль и осознавая опасность, не лез вперёд, серьёзно задумавшись.

Можно поискать добычу попроще, но это время, и не факт, что мне улыбнётся удача. Ещё вариант — следовать за талбуками, выжидая удобного случая. Но днём охотиться на них бесполезно, а ночью самки, имея молодых детёнышей, слишком бдительны. Охотничьего опыта в прошлой жизни у меня не было, а местный опыт говорил, что талбучатины мне не видать. Но я ещё помнил учебник биологии, особенно картинки, где размахивающие факелами люди загоняют мамонтов в ямы или заставляют упасть с обрыва. Достоверность такой информации не сто процентов, но все живые существа боятся огня.

Обогнув залёгшее на ночь стадо, подобрался с подветренной стороны. Срезав дёрн, выкопал яму диаметром в две ступни, углубив её по колено, прикрыл вынутым дёрном. Талбуки не мамонты, да и оврагов поблизости нет, а потому такой ловушки, надеюсь, хватит, чтобы кто-то из них подвернул копыто. Вернувшись, стал собирать в густеющей темноте сухую траву. Ночного зрения у меня не было, но орки в сумерках видели определённо лучше людей. Осторожно, чтобы не на шуметь, срезал ножом молодое деревце и стал вязать разветвлённый факел, обвязывая пучки сухой травы узлами вокруг веток.

Запалив нижний пучок, поднимаю свою монструозную конструкцию и направляюсь к лёжке. Дым и огонь всполошили талбуков, с рёвом и шумом стадо побежало прочь, а я пошёл следом, гоня стадо на яму. Результат не заставил себя ждать — табун ускакал от «пожара», оставив мне сломавшего ногу быка, ковыляющего на трёх копытах. Бросаю догорающий факел и подхожу к нему, приготовив топор. Подрубаю вторую переднюю ногу и проламываю череп, обрывая его мучения. Талбук, особенно в полном расцвете сил — шикарная добыча, но столько мяса мне не унести, прикопать тушу тоже не вариант — испортится, а бросать его, взяв только то, что можно унести, не позволит ни человеческая, ни орочья бережливость.

Согласно ритуалу, мне требовалось измазать щёки кровью добычи. Кровь вообще имела особое значение в жизни орков. Они получали её ещё с молоком матери, так как каждая женщина сама надрезала кожу над соском во время кормления — считалось, что такое питание делает ребёнка сильнее. Но и без этого почти все ритуалы орков не обходились без красной влаги. Вот и сейчас я первым делом напился привычной с детства крови и вымазал ею лицо. Потом свернул кульками листья так, чтобы она не выливалась зря, и заполнил получившуюся тару — застыв, этот «гематоген» вполне пригоден в пищу. И только после приступил к разделке.

Провозился больше половины ночи. Набрав дров, развожу костёр и жарю нанизанное на прутья мясо, остальное, по моим расчётам, за пару-тройку дней должно усохнуть достаточно для транспортировки, плюс к тому его количество я сам немного подсокращу, отъедаясь свежатиной. Решётка для рыбной ловли опять пригодилась, раскладываю на ней остатки мяса и иду спать. Утром вернулся к замоченной шкуре и занялся выделкой, чтобы не задубела.

Стойбище клана Разящих Топоров.

Сидя в тени дерева, Кайнати плела корзинки с подругами, ведя неспешный разговор. Прошло уже почти пять дней, как Аргнак ушёл на первую охоту. Увидев хмурое выражение лица девушки, Кивиша сказала:

— Не волнуйся так, сейчас ведь лето, а дичь в округе уже повыбились.

— В прошлый раз он был такой смелый, даже смог связать пару слов, а не как обычно по кустам прятался. Глядишь, и с талбуком справится, — «успокоила» подругу Бьюкигра.

Кайнати понимала правоту подруг, но на душе всё равно было беспокойно. Улыбнувшись, она посмотрела вдаль, отгоняя сомнения и тревогу.

— Идёт! Идёт! — крича, пробежал рядом мальчишка, направляясь к центру селения. В клане все всё про всех знают, и они тоже поняли, о ком речь.

Вскочившую было Кайнати схватили подруги, усаживая обратно.

— Ты не должна так сильно выражать свою радость, ты уже не маленькая!

— К тому же он наверняка пройдёт мимо твоего жилья, хвастая добычей! — добавила Бьюкигра.

И вот, наконец, показался Аргнак, входящий в селение как бы случайно со стороны шатра Кайнати, неся за плечами кипу сушёного мяса, на правом плече был подвешен череп с большими рогами, а с левого свисала шкура талбука, сложенная пополам. Увидев подруг, он улыбнулся измазанным запёкшейся кровью лицом и направился к ним.

Зайдя в гости к сестре, не застал ту дома, оставил целую ногу внутри шатра. После пошёл к жилью родителей Кайнати, собираясь отдариться за сок олембы. Подхожу к неразлучной троице, снимаю с себя мясо и расправляю затёкшие плечи.

— Протяни корзину, о прекрасная Кайнати, я заполню её мясом до краёв! — с нечитаемой улыбкой она протянула ко мне свою поделку, наполнив, кладу мясо и в корзины её подруг, на что сразу следует ехидная реплика:

— Солнце застило глаза великому охотнику, что путает корзины?

— Добычей своей великий охотник и будущий шаман может распорядиться как хочет, я воздал должное красоте подругам такой красивой девушки, да и ты, Бьюкигра, наевшись, может, станешь добрее! — нахмурившись, та не стала отказываться от мяса, но смолчать тоже не смогла:

— Долго же ты подранка гонял! Или заблудился, раз так долго не шёл назад?

Расправляю шкуру, показывая, что та цела.

— Не был он ни больным, ни раненым, убил его сам, — говорю чистую правду, хоть и не всю. — А ждал, пока мясо высохнет, нельзя бросать дар духов или убивать ради глотка крови. До встречи, красавицы, — кивнув Кайнати с подругами, собираю вещи и иду к шатру учителя.

Хатгаут был как всегда невозмутим. Кивнув, указал мне присаживаться.

— Велика твоя добыча, и я рад, что не поспешил ты домой, природа не любит напрасной смерти. Если взял добычу — бери всю.

Помолчали, я не прерывал учителя, зная его манеру разговора.

— Осенью тебя увидят духи предков, а ты, возможно, увидишь их. Не все, кого они просят

привести в священную гору, становятся шаманами, но даже если не станешь — прошу тебя остаться, умелый помощник дорогого стоит.

<http://tl.rulate.ru/book/16932/340837>